

«УНИЖЕННЫЕ И ОСКОРБЛЕННЫЕ» Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО: ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ

Н. А. Макаричева

Санкт-Петербургский государственный экономический университет

Поступила в редакцию 1 августа 2018 г.

Аннотация: роман «Униженные и оскорбленные» рассматривается в гендерном аспекте. Анализируется логика взаимоотношений мужских и женских персонажей, специфика изображений любовных «многоугольников», выявляются особенности женской и мужской психологии в интерпретации Достоевского. Оценивается художественная перспектива гендерологических открытий Достоевского, сделанных в «Униженных и оскорбленных», для последующего романного творчества.

Ключевые слова: гендерологическое направление в литературоведении, гендерная проблематика, роман о любви, мужская и женская психология.

Abstract: the novel “Humiliated and Insulted” is considered in gender aspect. The logic of relationship of male and female characters, specifics of portrayal of love “polygons” is analyzed, features of female and men’s psychology in Dostoyevsky’s interpretation come to light. The art prospect of Dostoyevsky’s genderological discoveries made in “Humiliated and offended” for the subsequent novelistic oeuvre is estimated.

Keywords: the genderological direction in literary criticism, a gender perspective, the love story, female-male psychology.

Гендерные исследования в области литературоведения — относительно новое и перспективное направление. Особо активный интерес в области гендерной лингвистики и литературоведения в России начинает проявляться в конце прошлого столетия, когда «становится все более очевидным, что гендерная система общества оказывает влияние на создание, анализ и интерпретацию литературного произведения, что находит отражение и в содержании, и в форме литературного произведения, а также особенностях читательского восприятия» [1, 273]. Взгляд сквозь призму гендера, несомненно, дает ценный материал для осмысления и литературного произведения как художественного целого. По мнению С. Р. Охотниковой, «формирующееся в литературоведении гендерологическое направление, объектом которого являются зафиксированные в литературе социально-психологические стереотипы феминности и маскулинности, воплощаются в особой картине мира, особой точке зрения автора и героя, особой системе персонажей, в особом характере авторского сознания, объектно-субъектной системе, реализуются в особом типе женской-мужской литературы (речевых жанрах), репрезентирующихся в особенностях речевого поведения мужчин и женщин, особом стиле женской и мужской поэзии и прозы, а также в жанровой системе, имеющей также гендерное измерение» [1, 279]. К настоящему времени в литературоведении уже зафиксировано и активно разрабатывается понятие «гендерная поэтика» [2].

В последние годы гендерная проблематика в художественной литературе становится предметом диссертационных исследований. В центре внимания оказываются прежде всего «женские» в авторском отношении художественные произведения XIX—XX столетий [3]. Однако в поле зрения исследователей попадают и «мужские» тексты. Можно отметить диссертационную работу С. В. Синцовой «Гендерная проблематика в творчестве Н. В. Гоголя (литературно-художественные аспекты)» [4].

Впервые гендерную проблематику в творчестве Ф. М. Достоевского стал разрабатывать А. П. Власкин [5]. Также можно отметить ряд работ О. Ю. Юрьевой, написанных в русле данной тематики [6]. Но в целом для достоевистики этот аспект достаточно нов и малоизучен. Поэтому приложение гендерного подхода к творчеству Ф. М. Достоевского представляется нам весьма перспективным.

Для иллюстрации нашей мысли обратимся к роману «Униженные и оскорбленные». Это первый большой, полноформатный роман Достоевского. Именно поэтому от него можно ожидать в гендерологическом отношении многого, и ожидания эти в основном оправдываются.

Прежде всего наше внимание должен привлечь «многоугольник», в котором со стороны мужчин выступают повествователь Иван Петрович и Алексей Валковский, а со стороны женщин — Наташа Ихменева и Катя Филимонова. Мужчины по отношению к Наташе напоминают персонажей в «Белых ночах»: Иван Петрович влюблен в Наташу; она отвечает на его чувства, но лишь с благодарностью, потому что

отдала свое сердце возлюбленному (и любовнику) Алеше. Совпадают даже отдельные мизансцены. Например, в романе обрисована такая: «Наташа вздрогнула, вскрикнула, взгляделась в приближавшего Алешу и вдруг, бросив мою руку, пустилась к нему. Он тоже ускорил шаги, и через минуту она была уже в его объятиях. На улице, кроме нас, никого почти не было. Они целовались, смеялись; Наташа смеялась и плакала, все вместе, точно они встретились после бесконечной разлуки. Краска залила ее бледные щеки; она была как иступленная... Алеша заметил меня и тотчас же ко мне подошел» [7, 201]. Но это почти калька со сцены, которая была прописана в «Белых ночах».

Дополнительную сложность расстановке мужских и женских ролей придадут: во-первых, князь Петр Валковский: он интригует против Наташи и склоняет сына, Алексея, жениться на богатой невесте Кате. Кроме того, и сам князь желал бы жениться на мачехе Кати, графине Филимоновой. Во-вторых, в Ивана Петровича влюблена девочка-подросток, загадочная Нелли Смит, которая, как выясняется в итоге, является дочерью Петра Валковского. Всё это подтверждает правоту норвежского исследователя Эрика Эгберга, который прямо причисляет «Униженных и оскорбленных» к «романам о любви». Но он же замечает, что подобные романы (сопоставлено с «Преступлением и наказанием») «тематически гетерогенны» [8, 49]. То есть в них сочетаются очень разные, хотя и взаимосвязанные темы.

В свете нашей темы в «Униженных и оскорбленных» примечательны многие единичные, как будто «точечные» наблюдения автора, касающиеся как женской, так и мужской психологии. Например, такое: «У женщины <...> бывает иногда потребность чувствовать себя несчастною, обиженною, хотя бы не было ни обид, ни несчастий. Есть много мужчин, похожих в этом случае на женщин, и даже мужчин не слабых, в которых вовсе не так много женственного» [7, 222]. Или такое: «...случалось: Алеша войдет со мною, робко заговорит с ней (с Наташей. — Н. М.), с робкою нежностью смотрит ей в глаза. Она тотчас же угадает, что он виноват, но не покажет и вида, никогда не заговорит об этом первая, ничего не попытывает, напротив, тотчас же удвоит к нему свои ласки, станет нежнее, веселее, — и это не была какая-нибудь игра или обдуманная хитрость с ее стороны. Нет; для этого прекрасного создания было какое-то бесконечное наслаждение прощать и миловать; как будто в самом процессе прощения Алеша она находила какую-то особенную, утонченную прелесть» [7, 225].

Проницательность и правоту Достоевского относительно женской психологии первым в печати отметил уже Чернышевский. В своей статье «Новые периодические издания» (речь в ней шла и о новом журнале «Время», где печатался роман) он выделил из персонажей Наташу: «...это соединение гордости

и силы в женщине с готовностью переносить от любимого человека жесточайшие оскорбления, одного из которых было бы, кажется, достаточно, чтобы заменить прежнюю любовь презрительной ненавистью, — это странное соединение в действительности встречается у женщин часто» (цит. по Примечаниям в ПСС. — [7, 528]). Не менее сложны в романе характеры и других женских персонажей, особенно Нелли и Кати. Этому способствовали факты биографии писателя. Он к моменту создания «Униженных и оскорбленных» все ближе и интимнее узнавал женщин, прежде всего в лице своей возлюбленной и первой жены Марьи Дмитриевны Исаевой.

Брак с ней продлился у писателя семь лет (1857—1864), вплоть до ее смерти от туберкулеза. Но взаимоотношения супругов были сложными, в силу чего после возвращения из Семипалатинска они жили в основном раздельно, иногда даже в разных городах. Позднее в одном из писем А. Е. Врангелю Достоевский признавался: «О, друг мой, она любила меня беспредельно, я любил ее тоже без меры, но мы не жили с ней счастливо. <...> несмотря на то, что мы были с ней положительно несчастны вместе (по ее странному, мнительному и болезненно фантастическому характеру), — мы не могли перестать любить друг друга; даже чем несчастнее были, тем более привязывались друг к другу. Как ни странно это, а это было так» [9, 116].

Тем не менее, в сложностях взаимоотношений супругов до сих пор находят поводы для развернутых изысканий, в которых Достоевский предстает, мягко выражаясь, не в лучшем свете [10]. Л. И. Сараскина видит здесь лишь спекулятивные измышления [11, 303—305]. Мы, в свою очередь, не склонны к такой категоричности, поскольку в указанной работе («Кузнецкий венец...»), при всей спорности ее общей концепции, собран и систематизирован обширный биографический материал, что само по себе для науки небесполезно.

Характер М. Д. Исаевой, ее поведение и взаимоотношения с Достоевским являлись, по мнению ряда исследователей, прототипическими образами Зины Москалевой, Наташи Ихменевой, Катерины Мармеладовой [12], [13, 348]. И главное в гендерологическом аспекте состоит в том, что как сама Исаева, так и перечисленные героини ярко раскрываются именно через их взаимоотношения с мужчинами (или с мужскими персонажами). В связи с первым послекасторжным романом примечательное наблюдение сделала Л. И. Сараскина: «Любовный треугольник «Униженных и оскорбленных», художественно преобразивший драматический узел, завязанный перед первым браком Ф. М. (пылкой страстью Марии Дмитриевны к молодому учителю и готовностью жениха пожертвовать своим чувством ради счастья любимой), содержал такой мощный потенциал переживаний, что им суждено было, ничуть не повторяясь сюжет-

но, вновь захватить и обжечь Достоевского. Через три месяца после того, как во «Времени» закончилось печатание записок Ивана Петровича, 1 ноября 1861 года, вышел очередной номер журнала, где под «сенью крыл» — четырех глав «Записок из Мертвого дома» — значилась повесть никому не известной дебютантки «А. С-вой». (Имеется в виду Аполлинария Сулова. — Н. М.) <...> До рокового эпизода, когда писателю вновь пришлось играть неблагодарную роль «друга и брата» неверной возлюбленной, оставалось два года» [11, 352].

Возвращаясь к «Униженным и оскорбленным», еще раз заметим, что говорить о «любовном треугольнике» в этом романе является упрощением. Скорее, сюжетные роли здесь распределены по двум накладываются друг на друга «многоугольникам», в которых отдельные фигуранты совпадают. С одной стороны: Иван Петрович — Наташа — Нелли. С другой стороны, это Иван Петрович — Наташа — Катя — Алеша. Относительно первой расстановки сама Наташа с женской пронизательностью открывает глаза Ивану: «Знаешь что, Ваня, — сказала она, подумав, — мне кажется, она тебя любит. <...> Это ожесточение оттого, что ты не понимаешь ее любви, да и она-то, может быть, сама не понимает себя; ожесточение, в котором много детского, но серьезное, мучительное. Главное, — она ревнует тебя ко мне. Ты так меня любишь, <...> а потому на нее обращаешь мало внимания. Она заметила это, и ее это уязвило. Она, может быть, хочет говорить с тобой, чувствует потребность раскрыть перед тобой свое сердце, не умеет, стыдится, сама не понимает себя, ждет случая, а ты, вместо того чтоб ускорить этот случай, отдаляешься от нее, сбегаешь от нее ко мне и даже, когда она была больна, по целым дням оставлял ее одну. Она и плачет об этом: ей тебя недостает, и пуще всего ей больно, что ты этого не замечаешь» [7, 387].

Второе «распределение» векторов влюбленности еще сложнее, во многом за счет того, что женщины пытаются избежать соперничества. Наташа отпускает Алешу к Кате, и в этом содержится сложная смесь смирения и расчета. А Катя, будучи еще неискушенной во взаимоотношениях с людьми (как с мужчинами, так и с женщинами), рассчитывает чуть ли не на союз и дружбу с соперницей. Вот характерный их диалог: «Катя села на ручку кресел Наташи, не выпуская ее из своих объятий, и начала целовать ее руки.

— Если б вы знали, как я вас люблю! — проговорила она плача. — Будем сестрами, будем всегда писать друг другу... а я вас буду вечно любить... я вас буду так любить, так любить...

— Он вам о нашей свадьбе, в июне месяце, говорил? — спросила Наташа.

— Говорил. Он говорил, что и вы согласны. Ведь это всё только так, чтоб его утешить, не правда ли?

— Конечно.

— Я так и поняла. Я буду его очень любить, Ната-

ша, и вам обо всем писать. Кажется, он будет теперь скоро моим мужем; на то идет. И они все так говорят. Милая Наташечка, ведь вы пойдете теперь... в ваш дом? — Наташа не отвечала ей, но молча и крепко поцеловала ее» [7, 398—399].

В преображенном виде обозначенная здесь Достоевским любовная коллизия могла, на наш взгляд, повлиять на гендерологическую сторону концепции романа Чернышевского «Что делать?» (появился в печати спустя два года после публикации «Униженных и оскорбленных»). Приведенный выше позитивный отзыв Чернышевского свидетельствует о том, что лидера демократического лагеря роман Достоевского задел за живое. Он попытался предложить своего рода «рецепт», то есть эту коллизию по-своему разрешить, однако ему пришлось свести ее до традиционного любовного треугольника (два мужчины и одна женщина). Две женщины и мужчина — это было бы сложнее.

Впервые такую возможную параллель («Униженные и оскорбленные» и «Что делать?») обозначил В. А. Туниманов в своей монографии, посвященной послекаторжному периоду творчества Достоевского. В частности, он указывал: «В страдания и переживания Веры Павловны, вдруг обнаружившей, что у нее есть сердце и вынужденной от одного благородного человека уйти к другому, столь же благородному, не очень верится... <...>. Ригорист Рахметов считает, что разумнее было бы историю или предотвратить, или мирно покончить добровольным и чистосердечным союзом, а не углубляться в психологические тонкости. Кстати, нечто аналогичное идеальному союзу трех сердец представляется и Наташе Ихменевой, но как невероятная мечта. С точки зрения Чернышевского и Рахметова, такой мирный союз был бы наилучшим разрешением проблемы <...>. По Достоевскому, такое гармоническое единство вообще немислимо, ибо противоречит вечным законам человеческой природы; оно возможно не для эгоистического современного человека, а для существа неземного, бесполого, чуждого ревности и сладострастия» [14, 266].

Возвращаясь конкретно к «Униженным и оскорбленным», присмотримся целенаправленно к мужским образам. Центральный среди них — повествователь Иван Петрович. Давно, еще со времен первых критиков романа (Чернышевский, Добролюбов), его значение распознано и прокомментировано, — потому что оно вполне «прозрачно»: фактически это alter ego Достоевского. Во многом этот образ наследует «мечтателю» из «Белых ночей» — в частности, по его страдательной роли в любовном треугольнике. Однако в гендерологическом аспекте и в своей художественной перспективности он для нас примечателен менее, чем другие герои. В самом деле, таких откровенно автобиографичных персонажей Достоевский впоследствии уже не «выводил на сцену». Другое дело — отец и сын Валковские. Они, на наш

взгляд, и многообразно значимы в романе, и весьма перспективны.

В. А. Туниманов так комментирует отзыв Добролюбова: «Избранник Наташи Алеша Банковский, пожалуй, более всего не удовлетворил Добролюбова. Но мнению критика, в романе предпринята фальшивая попытка «идеализировать» героя, достойного только самого резкого осуждения. Алеша, каким он представляется Добролюбову не «по описанию <...> а по ходу дела», — «мальчишка уже в 21 год, ветренный, цинический, лишенный всякой нравственной основы в характере до того, что он не конфузится никакой своей пакости...». Добролюбов резко сгущает краски, называя Алешу «смердяной козявкой» и — вопреки содержанию романа — «обольстителем» Наташи» [14, 160].

Исследователь аргументированно возражает Добролюбову и резонно видит связь его откровенно субъективистской интерпретации образов романа с воинствующими принципами «реальной критики». Вместе с тем, В. А. Туниманову приходится сожалеть о досадной «живучести» мнений критика вплоть до современной науки (то есть до 1980 г.): «Оценки и формулировки Добролюбова прочно вошли в научную и критическую литературу о Достоевском. Это естественно: концепция гуманизма творчества Достоевского, с такой страстностью изложенная в статье Добролюбова, мощно противостоит другим, несравненно более узким и тенденциозным представлениям о писателе, в частности статье Н. К. Михайловского «Жестокий талант». К сожалению, были механически усвоены и полемические преувеличения Добролюбова, и даже его явно несправедливые суждения. Так, почти всеми современными исследователями безоговорочно принимается мнение Добролюбова об Алеше Валковском» [14, 163].

Сам В. А. Туниманов высказывается об этом персонаже достаточно объективно: «Достоевский не идеализирует Алешу Валковского, но и не клеймит его — ни за происхождение, ни за слабость воли, ни за легкомыслие, ни за визиты к доступным и веселым женщинам. Слабый и легкомысленный герой Достоевского, как справедливо заключает Е. Старикова, не принадлежит к лагерю хищников и злодеев, он по-своему трогателен и обаятелен, он самый простодушный и невинный участник запутанной и сложной любовной драмы. Поэтому Иван Петрович, когда несколько притупилось чувство ревности к счастливому и «недостойному» сопернику, отказывается от пристрастных суждения о нем» [14, 164]. Вместе с тем, он находит нужным возражать Е. В. Стариковой (в постраничной сноске), потому что она будто бы «преувеличивает, сопоставляя «наивного эгоиста» Алешу Валковского с князем Мышкиным и Алешей Карамазовым» [15, 22—23]. Но, на наш взгляд, Е. В. Старикова весьма проникательно оценивает художественную перспективность образа

Алешы Валковского для последующего творчества Достоевского.

В самом деле, ведь очень выразительны характеристики Алешы со стороны Наташи Ихменевой. Например, такая: «Он и дурной поступок, пожалуй, сделает; да обвинить-то его за этот дурной поступок нельзя будет, а разве что пожалеть. Он и на самопожертвование способен и даже знаешь на какое! <...> Вот он какой!» [7, 198]. Алеша Валковский действительно по своему психотипу некоторыми чертами напоминает будущего князя Мышкина, а его взаимоотношения с двумя девушками, Наташей и Катей, — коллизию с Аглаей и Настасьей. И речь не только о потребности Алешы в любви к обеим девушкам. Например, откровения Наташи Ихменевой предвещают болезненные переживания Настасьи Барашковой, в которых ревность мешается с сомнением в своей способности осчастливить любимого («Я ведь и сама знаю, что с ума сошла и не так люблю, как надо. Не хорошо я люблю его...» [7, 199]).

Еще менее, чем Алеше Валковскому, «повезло» в критике и науке образу его отца, князя Валковского. Не только в нравственном, но и в художественном отношении он обычно воспринимался почти исключительно негативно. Даже В. А. Туниманов исходил из того, что князь «Валковский — статичная фигура, он как герой не эволюционирует в обычном смысле слова, а приданная ему буржуазно-ретроградная оболочка — очень удобная, почти идеально сливающаяся с сутью злодея форма, обусловленная временем, когда подлинным князем мира стал Ротшильд (но не единственно возможная). И хотя жизненный путь князя прочерчен в романе, пожалуй, обстоятельнее, чем у других героев, все «приключения» его однотипны и угнетающе отвратительны: нет даже намека на какие-либо духовные или психологические перемены» [14, 161—162]. Но как в критике, так и в науке случались исключения. Так, сам же В. А. Туниманов передает мнение Евгении Тур, которая считала, что князь в романе «самый выпуклый, самый цельный, самый верный жизни и действительности характер» [14, 177]. В современной науке образу Валковского-старшего отдает должное Эрик Эгеберг в уже упомянутой нами статье. Во многом опираясь на книгу В. А. Туниманова, он делает акцент на следующем: «В «Униженных и оскорбленных» есть по крайней мере одна фигура, достойная особого внимания потому, что его тип узнаваем не только в «Преступлении и наказании» (на это обращал внимание и В. А. Туниманов. — *Н. М.*), но и в последующих «великих» романах» [8, 55]. Далее автор статьи, правда, не уточняет, кого из поздних героев Достоевского он имеет в виду. При этом Эрик Эгеберг цитирует метафоричное замечание еще одного зарубежного исследователя (Julius Meier-Graefe) о том, что от князя Валковского «пахнет серой» [8, 55].

Для нас примечательна почти исключительно *гендерологичная* сюжетная роль этого персонажа. Мы имеем в виду тот художественный факт, что вся его негативная репутация в основном базируется на интригах вокруг женско-мужской психологии. Своего сына Алексея он коварно соблазняет в личных корыстных целях, подменяя один объект привязанности — другим: «Князь рассчитал, что все-таки полгода должны были взять свое, что Наташа уже не имела для его сына прелести новизны и что теперь он уже не такими глазами будет смотреть на будущую свою невесту, как полгода назад. <...> Алеша действительно увлекся» [7, 226].

Этот персонаж психологически очень гибок во взаимоотношениях с женщинами — и во многом благодаря своему проникновению в их психологию. Например, в общении с потенциальной противницей Наташей, которой увлечен его сын, он мастерски использует лстивую «игру на откровенность» (женщинам она особенно близка): «Именно, я заметил, в женском характере есть такая черта, что если, например, женщина в чем виновата, то скорей она согласится потом, впоследствии, загладить свою вину тысячью ласк, чем в настоящую минуту, во время самой очевидной улики в проступке, сознаться в нем и попросить прощения. Итак, если только предположить, что я вами обижен, то теперь, в настоящую минуту, я нарочно не хочу извинения; мне выгоднее будет впоследствии, когда вы сознаете вашу ошибку и захотите ее загладить перед мной... тысячью ласк. А вы так добры, так чисты, свежи, так наружу, что минута, когда вы будете раскаиваться, предчувствую это, будет очаровательна» [7, 305].

Не менее тонко князь Валковский играет и на нюансах мужской психологии. Так, своему потенциальному оппоненту Ивану Петровичу он не стесняется будто бы «открывать душу». Причин здесь целый комплекс: мужская откровенность должна заведомо импонировать; демонстрируется позиция явно колоритная; собеседник должен ее оценить, потому что он — «поэт»; наконец, может сработать и своеобразное обаяние цинизма. Поэтому князь откровенничает: «Вот что, мой поэт, хочу я вам открыть одну тайну природы, которая, кажется, вам совсем неизвестна. Я уверен, что вы меня называете в эту минуту грешником, может быть, даже подлецом, чудовищем разврата и порока. Но вот что я вам скажу! Если б только могло быть (чего, впрочем, по человеческой природе никогда быть не может), если б могло быть, чтоб каждый из нас описал всю свою подноготную, но так, чтоб не побоялся изложить не только то, что он боится сказать и ни за что не скажет людям, не только то, что он боится сказать своим лучшим друзьям, но даже и то, в чем боится подчас признаться самому себе, — то ведь на свете поднялся бы тогда такой смрад, что нам бы всем надо было задохнуться. <...> Заклучу же так: вы меня обвиняете в пороке, разврате,

безнравственности, а я, может быть, только тем и виноват теперь, что откровеннее других и больше ничего; что не утаиваю того, что другие скрывают даже от самих себя, как сказал я прежде...» [7, 361—362]. Нельзя не заметить здесь перспективы на будущего (и ближайшего по времени) героя-парадоксалиста, Свидригайлова, а также на самого дальнего наследника подобных откровенностей — Федора Павловича Карамазова. Подтверждением этому (относительно Карамазова) служат и дальнейшие откровения князя. Например, такое: «Да, мой поэт, если еще есть на свете что-нибудь хорошенькое и сладенькое, так это женщины» [7, 362]. И еще такое: «Но главное, главное — женщины... и женщины во всех видах; я даже люблю потаенный, темный разврат, постраннее и оригинальнее, даже немножко с грязнотой для разнообразия...» [7, 365]. И здесь предвещаются (как уже указывалось нами ранее) многие героини-циники — парадоксалист, Свидригайлов, Ставрогин, Федор Карамазов.

Таким образом, роман «Униженные и оскорбленные» — важный в развитии художественной гендерологии Достоевского этап. В этом романе Достоевский изображает два особых, актуальных для последующего творчества женских психотипа, получивших воплощение в образах Наташи Ихменевой и Кати. В образе Алеши Валковского можно усмотреть первые намеки на характер князя Мышкина, и во многом благодаря раскрытию через взаимоотношения с двумя женщинами — Наташей и Катей. Князь Валковский, как было сказано, генетически связан с целым рядом мужских героев из романов «Преступление и наказание», «Бесы», «Братья Карамазовы», и особенно ярко эта связь выявляется именно через анализ женско-мужских отношений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Охотникова С. Гендерные исследования в литературоведении: проблемы гендерной поэтики / С. Охотникова // Гендерные исследования и гендерное образование в высшей школе: в 2 ч. — Иваново, 2002. — Ч. 2. — С. 273—279. Или: — Режим доступа: http://www.a-z.ru/women_cd1/html/gender_issledovaniya_v_literature.htm (Дата обращения 31.01.2018).
2. См., например: Тарланов Е. З. Женская поэзия в России рубежа веков / Е. З. Тарланов // Русская литература. — 1999. — № 1. — С. 134—145; / Воробьева С. Ю. Проблема «женского стиля» в литературоведении С. Ю. Воробьева. // Известия Саратовского ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. — 2013. — Т. 13 (4). — С. 87—91.
3. Пензина О. В. Женская проза второй половины XIX века: гендерный аспект авторства: дис. ... к. филол. наук. М., 2009; Пушкарь Г. А. Типология и поэтика женской прозы: гендерный аспект: на материале рассказов Т. Толстой, Л. Петрушевской, Л. Улицкой: дис. ... к. филол. наук. Ставрополь, 2007; Татаркина С. В. Творчество А. Я. Панаевой в литературном контексте эпохи: гендерный аспект: дис. ... к. филол. наук. Томск, 2006.

4. Синцова С. В. Гендерная проблематика в творчестве Н. В. Гоголя (литературно-художественные аспекты): дис... д-ра. филол. наук. Казань, 2011.
5. См., например: Власкин А. П. Мужское и женское: перспективы непонимания в художественной среде Достоевского / А. П. Власкин // проблемы истории, филологии, культуры. 2003. — № 13. — С. 450—458; А. П. Власкин, Т. Б. Зайцева, С. В. Рудакова. Образная система романа Достоевского «Преступление и наказание» в гендерном аспекте // Проблемы истории, филологии, культуры. 2017. — № 2. — С. 196—205 и др.
6. См.: Юрьева О. Ю. Бунт против тирании и тирания бунта в рассказе Достоевского «Кроткая» / Юрьева О. Ю. // Достоевский и мировая культура. — 2006. — № 21. — С. 91—102; Мужской ум и женское недоумение в мире Достоевского // Три века русской литературы: Межвуз. сб. науч. тр. — М., Иркутск, 2006. — Вып. 13. — С. 99—117.
7. Достоевский Ф. М. ПСС в 30 т. — Л.: Наука, 1972—1990. — Т. 3. — Л.: Наука, 1972. — 543 с.
8. Erik Egeberg. На пороге мастерства: От Униженных и оскорбленных к Преступлению и наказанию // *Dostoevsky Studies (MOD)*. Vol. 20, 2016. — С. 47—58.
9. Достоевский Ф. М. ПСС в 30 т. — Л.: Наука, 1972—1990. — Т. 28/2. — Л.: Наука, 1985. — 616 с.
10. Кушникова М., Тогулев В. «Кузнецкий венец» Федора Достоевского в его романах, письмах и библиографических источниках минувшего века. — Кн. 1 и 2. — Кемерово: Кузбассвузиздат, 2005; 2007. — 608; 638 с.
11. Сараскина Л. И. Достоевский. — М.: Мол. Гвардия, 2013. — 825 с.
12. Мочульский К. В. Достоевский. Жизнь и творчество. — Париж: Умса-Press, 1980. — 563 с.
13. Белов С. В. Энциклопедический словарь «Ф. М. Достоевский и его окружение» / С. В. Белов — Т. 1. — СПб.: Алетейя, 2001. — 572 с.
14. Туниманов В. А. Творчество Достоевского: 1854—1862 / В. А. Туниманов. — Л.: Наука, 1980. — 293 с.
15. Старикова В. Е. Вступительная статья / В. Е. Старикова // Достоевский Ф. М. Униженные и оскорбленные. — М.: Худож. лит., 1969. — С. 22—23.

Санкт-Петербургский государственный экономический университет

Макаричева Н. А., кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы

E-mail: 812nataly@mail.ru

*Saint-Petersburg State University of Economics
Makaricheva N. A., Candidate of philology, associate professor,
Russian Language and Literature Department
E-mail: 812nataly@mail.ru*